

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

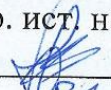
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Кафедра археологии, истории Древнего мира и Средних веков

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заведующий кафедрой

д-р. ист. наук, профессор

 А. Г. Еманов

2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

(магистерская диссертация)

**ФОРМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ X – XI ВЕКА**

46.04.01 История

Магистерская программа «История Средних веков»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной
формы обучения

Малиновский
Павел
Константинович

Руководитель работы
д-р. ист. наук,
профессор

Еманов
Александр
Георгиевич

Рецензент
канд. ист. наук.,
ст. преподаватель кафедры
истории, искусствоведения и
музейного дела Тюменского
государственного института
культуры

Домашова
Светлана
Анатольевна

г. Тюмень, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ ОБРАЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА В СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ X – XI ВЕКА	23
ГЛАВА II. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ X – XI ВЕКА	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	104
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	107

Введение

Говоря об интеллектуальной жизни мы прежде всего подразумеваем комплекс традиционных установок, в контексте которых осуществляются различные мыслительные процессы. Результатом или продуктом, полученным в процессе умственного труда, является выработка совершенно уникальной, индивидуальной картины мира для каждого человека. Развитие самосознания, мировосприятия, ощущения человеком своей причастности к территории, национальности, роду и т.д. позволяет рождать на свет совершенно новые подходы к изучению и пониманию самого человека, его внутреннего содержания, окружающего мира, религиозных установок. Определение направлений интеллектуального взаимодействия человека с окружающей средой, с другими людьми, позволяет нам говорить о выработке форм интеллектуальной жизни. Под формами интеллектуальной жизни мы понимаем строго сформулированное направление деятельности, в рамках которой человек пользуется набором определённых навыков, позволяющих ему ориентироваться в той или иной среде. Как пример, можно привести несколько форм интеллектуальной жизни монахов в Священной Римской империи X – XI вв. Во-первых, письменное творчество. Стоит сказать, что, создавая такие труды, как хроники или анналы авторы X – XI вв. опирались на опыт своих предшественников, а также широко цитировали библейские книги и обращались к памятникам античного наследия, что позволяет оценить их эрудицию и широту кругозора; Во-вторых, передача знаний. В указанный период уже функционировали школы, но их было не слишком много, в целом же образование преимущественно не выходило за стены монастыря, там некоторыми наиболее образованными наставниками создавались труды по наставлению учеников, причём это мог быть как свод правил, так освещение некоторых религиозных проблем в вопросно-ответной форме повествования; В-третьих, самопознание или осознание себя в окружающем мире. Создавались новые произведения различных жанров, конечно же, в рамках

канона, но как говорилось выше, средневековые авторы в своих трудах часто опирались на опыт предшественников, однако они также вкладывали в повествование и свои авторские штрихи или создавали полностью авторский труд, нередко отходя от канона и сообщая читателю свою точку зрения на описываемые события, а также информацию о себе. Подобные эпизоды позволяют определить автора как личность со своим набором моральных качеств, нравственных ориентиров и духовных ценностей. Словом, количество форм интеллектуальной жизни, при должном тщательном анализе источников, может быть немалым.

Рассмотрение текстовой составляющей источника с целью узнать больше о человеке, написавшем его, о его взглядах на мир, его представлений о добре и зле, о Боге, государстве и т.д. является основной задачей так называемой «новой интеллектуальной истории», которая вместе с «новой культурной» историей в последние годы если не заставила обратить на себя взоры в рамках современной исторической науки, то уж точно всеми силами старается туда попасть. Речь идёт об оперировании совершенно новым набором методов, концепций и другими орудиями познания прошлого через мыслительный опыт одного человека, группы людей, общности, или даже человечества в целом.

Такая расстановка сил на арене исторического знания стала возможна благодаря переосмыслению постулатов, ещё казавшихся вечными в середине XX века, однако, первые шаги, сделанные при помощи «лингвистического поворота» и «постмодернистского вызова» поставили перед историками-исследователями ряд глобальных вопросов, подтолкнувших их к попытке разрешения насущных проблем и поиска выхода из кризиса.

Одной из важных вех в этом процессе стал поиск новой исследовательской парадигмы, которая могла бы вместить в себя ряд концепций, помогающих представить ранее ясную картину в совершенно новом свете. Очень кстати пришлось становление «неоклассической» теории,

которая опиралась на концепции исторического развития, ставшие в свою очередь порождением «прагматического поворота»¹. Данная теория интерпретировала исторические события, исторических авторов согласно специфическим условиям в той или иной локации, учитывая контекст заданных социальных условий, которые как создают почву для тех или иных инициатив, но также и ограничивают их, то есть всестороннее рассмотрение объективной реальности максимально приближенное к действительности².

Таким образом получило распространение понимание реалий того или иного события, в которых контекст выступает как отражение ситуаций, требовавших ответов и реакций на вызовы времени, поисков решений проблем, которые можно разрешить только в рамках этой деятельности.

Современными историками всё чаще провозглашается, что историческая наука при этом уже не способна игнорировать постулаты постмодернистского вызова³. Ей приходится признать, что такие незыблемые ранее компоненты исследования как исторический факт, исторический источник, метод исторического исследования должны подвергаться серьёзной критике и проверке, и даже при этом не всегда заслуживают доверия, так как речь идёт о многозначности их трактовок, помноженных на субъективность исследователя. В попытках отыскать объективную правду о прошлом, исследователь оказывается заложником собственной субъективности, но также и субъективности тех свидетельств, которые он подвергает процедуре рационального анализа. Пределы и возможности исторического знания очерчены и неполнотой сохранившихся свидетельств, и отсутствием гарантий того, что отразившаяся в этих свидетельствах реальность является

¹ Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. Вып. 25-1. С. 6.

² Там же. – С.8.

³ История исторического знания: Пособие для вузов/ Л.П.Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М., 2004. – С.4

достоверным образом изучаемой эпохи, и наконец, интеллектуальным инструментарием исследователя. Историк всегда, вольно или невольно, оказывается субъективен в своём толковании прошлого и его воссоздании: исследователь интерпретирует его, опираясь на концептуальные и идеологические построения собственной эпохи, руководствуясь личными предпочтениями и субъективным выбором тех или иных интеллектуальных моделей. Так, историческое знание и предлагаемый им образ прошлого всегда субъективны, частичны в своей полноте и относительно в своей истинности. Признание собственной ограниченности вместе с тем не мешает историческому научному знанию быть рациональным, обладающим собственным методом, языком и социальной значимостью.

Принципиальную важность имеет своеобразие предмета и методов исторического исследования, а значит и исторического знания в целом. В процессе становления исторической науки понимание предмета и задач исследования претерпевало существенные изменения. Современная практика исторического исследования признает не только широту своего поля, но и возможность различных подходов к изучению явлений прошлого и их интерпретации. От эмпирической науки, главной целью которой было исследование событий, прежде всего политически значимых, фиксирующих вехи развития государственных образований и причинно-следственные связи между отдельными фактами, история эволюционировала в дисциплину, изучающую общество в его динамике. В поле зрения историка включен широкий круг явлений – от хозяйственной и политической жизни страны до проблем частного существования, от изменений климата до выявления представлений людей о мире. Предметом изучения оказываются события, модели поведения людей, системы их ценностных установок и мотиваций. Современная история – это история событий, процессов и структур, частной жизни человека. Подобная диверсификация исследовательского поля связана с тем, что, вне зависимости от предпочтений конкретных исследовательских направлений, объектом исторического знания является человек, природа и

поведение которого разнообразны сами по себе и могут быть рассмотрены в разных ракурсах и взаимосвязях. История оказалась наиболее универсальной и ёмкой из всех гуманитарных дисциплин нового времени, её развитие не просто сопровождалось становлением новых сфер научного знания – социологии, психологии, экономики и др. но было связано с заимствованием и адаптацией к собственным задачам их методов и проблематики. Широта исторического знания вполне оправданно вызывает сомнения исследователей в правомерности существования истории как самостоятельной научной дисциплины. История и содержательно, и по форме рождалась в интегральном взаимодействии с иными сферами изучения действительности (географией, описанием народов и пр.) и литературными жанрами; конституировавшись в качестве особой дисциплины, она вновь оказалась включена в систему междисциплинарного взаимодействия.

Отечественный исследователь Светлана Неретина пишет о том, что спустя некоторое время после эпохи пренебрежительного отношения к Средним векам, стали вырисовываться позиции исследователей, которые утверждают, что необходимо восстановить и увидеть историю средних веков в проявлениях деятельности людей той эпохи, в том числе и мыслительной такой, какой она была на самом деле⁴. Однако, по её мнению, это вряд ли представляется возможным, так как, современная исследовательская парадигма в поисках универсального инструментария потеряла интерес к объекту исследования, так как интерес к минувшей эпохе имеет непосредственное отношение к факту существования самого исследователя, его сознания и мышления, предполагая предельное осмысление логики предшествующей мысли для выявления новых точек преобразования, то есть творчества, что, проще говоря, представляет собой некую своеобразную рефлексию

⁴ Неретина С.С. Возможности понимания // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. Т.1. – Спб.: РХГИ, 2001. – С. 10.

Функции исторического знания отличаются широким социальным охватом, так или иначе отражаются в важнейших сферах социального сознания и социальных практик. Историческое знание и интерес к прошлому всегда обусловлены актуальными для общества проблемами. Именно поэтому образ прошлого не столько воссоздаётся, сколько создаётся потомками, которые, позитивно или негативно оценивая предшественников, обосновывают таким образом собственные решения и действия. Одной из крайних форм актуализации прошлого является анахроническое перенесение на предшествующие эпохи идеологических построений и схем, доминирующих в политической и социальной практике настоящего. Но не только прошлое становится жертвой идеологий и анахронизмов – настоящее в не меньшей степени зависит от демонстрируемого ему образа собственной истории. Историческая картина, предлагаемая обществу в качестве его «генеалогии» и значимого опыта, является мощным инструментом воздействия на социальное сознание. Отношение к собственному историческому прошлому, доминирующее в социуме, определяет его представление о себе и знание задач дальнейшего развития. Таким образом, история, или картина прошлого, является частью социального сознания, элементом политико-идеологических представлений и исходным материалом для определения стратегии социального развития. Без истории, говоря иным языком, невозможно формирование социальной идентичности и представления о своих перспективах ни для отдельного сообщества, ни для человечества в целом.

Историческое знание представляет собой функционально важный элемент социальной памяти, которая в свою очередь является сложным многоуровневым и исторически изменчивым феноменом. В частности, помимо рациональной традиции сохранения знания о прошлом существуют коллективная социальная память, а также семейная и индивидуальная память, в значительной степени, основанные на субъективном и эмоциональном

восприятию прошлого. Несмотря на различия, все типы памяти тесно связаны между собой, их границы – условны и проницаемы. Учёное знание влияет на становление коллективных представлений о прошлом и, в свою очередь, испытывает воздействие массовых стереотипов. Исторический опыт общества был и во многом остаётся результатом как рационального осмысления прошлого, так и его интуитивного и эмоционального восприятия.

Особую роль здесь играют интеллектуальные традиции и интеллектуальная среда в целом. Так, в рассматриваемые нами период X – XI вв. на территориях западной Европы, ядром которой были земли Священной Римской империи, начинают оформляться зачатки интеллектуального подъёма. Конечно, нам вряд ли удастся охарактеризовать латинского автора X – XI вв. именно как интеллектуала, так как интеллектуал, прежде всего, человек, которому необходимы коммуникации с внешним миром, скажем, с учащимися, если речь идёт о городском интеллектуале XII в. Ведь, как справедливо заметил французский исследователь Жак ле Гофф (1924–2014), средневековые интеллектуалы зародились вместе с городами⁵.

Священная Римская империя во все периоды своего существования представляла собой довольно сложную и многообразную территориальную и культурную среду. В X – XI вв. европейская цивилизация входила в новую стадию своего исторического развития, которое впоследствии стало причиной зарождения европейских наций. Священная Римская империя, первым правителем которой был Оттон I, именно в это время смогла занять лидирующие позиции среди государств Центральной и Западной Европы, превратившись в государственно-политическое и культурное территориальное образование в контексте цивилизационного развития европейских территорий, и приобрела всеохватное влияние на них даже в последующие эпохи⁶. На территориях империи с самого её основания

⁵ Ле Гофф, Ж. Интеллектуалы в Средние века / Перевод с французского А.М. Руткевича. 2-е изд. – СПб., 2003. – С. 8.

⁶ Балакин В. Д. Творцы Священной Римской империи. — М., 2004. — С. 2.

проживали люди с разным мышлением, ментальностью, уровнем культуры. Находясь в самом центре европейского континента и включая в себя территории с самым разным культурным, экономическим, духовным уровнями, Священная Римская империя просто не могла во всей своей широте границ развиваться равномерно во всех направлениях. Сообразно общей динамике развития в регионах развивалась и интеллектуальная культура, приобретений и пополнение знаний.

Актуальность данной темы исходит из самой специфики государства Священная Римская империя. Идея преемственности Римской империи отражала амбиции правителей многочисленных земель и самого императора. Множество территорий с разным укладом практически всех сфер жизни так или иначе через представителей интеллектуальной элиты транслировали знания не характерные для других регионов. Священная Римская империя в своих границах была как, с одной стороны, очень контрастным явлением, что отражалось и в культуре населявшего её населения, так и, с другой, находясь в составе одного государства, население заимствовало те или иные культурные традиции друг у друга. Не стоит также забывать, что, появившееся в 962 г. государство свои границы приобрело не сразу, так что в этой связи можно предположить о формировании интеллектуальной среды на фоне общеевропейских процессов в целом.

Важными и актуальными при изучении истории Священной Римской империи, особенно для выявления характерных черт всей европейской цивилизации в ее многосторонности, представляются проблемы, связанные с осмыслением особенностей функционирования отдельных социальных групп и их места в политическом, социальном и культурном пространстве на территориях империи, важен вопрос обладания условий для интеллектуальной деятельности.

Актуальность темы заключается также в том, что изучение статуса и моделей поведения интеллектуалов в условиях специфических территориальных условий империи дает возможность проведения

компаративных исследований социальных практик элитарных групп в кризисных обществах различных эпох и регионов. Характер изменений внутренней структуры элитарной группы под воздействием быстро меняющихся явлений общественной жизни, особенности поведения такой группы в стрессовой ситуации, степень адекватности восприятия ее представителями происходящих перемен и способы адаптации к ним служат индикаторами состояния общества, определяют способность или неспособность социума устоять перед кризисом и преодолеть его. Изучение социально-психологических реакций и моделей поведения элит в экстремальных условиях переходных периодов принадлежит к числу наиболее актуальных задач общественных наук в наши дни.

Период X–XI вв. является переходным от раннесредневековой интеллектуальной традиции, с её специфическим пониманием мира и его законов, обращённым к античности, к веку университетов, к появлению интеллектуалов-профессионалов.

Изучение форм интеллектуальной жизни на данном этапе поможет проследить преемственность идей, начиная с античных времён, и вплоть до XII–XIII вв. Поможет выявить, на каких идеях сформировался средневековый интеллектual Западной Европы.

Изучая какой-либо период в истории науки (как и при осмыслении ее настоящего), важно знать не только ее текущее состояние, но и как в то время оценивалось то, что было сделано предшественниками, как было ими конфигурировано искомое исследовательское пространство и как выделась их персональная иерархия в динамическом плане.

Переосмысление теоретических, критических и аксиологических оснований интеллектуальной истории приводит к существенному расширению ее проблемного поля, развитию вопросника: как и почему те или иные идеи или теории возникали, как и почему менялся их смысл, как, кем и в какой форме они распространялись, какое оказывали воздействие в череде сменяющихся друг друга конкретно-исторических контекстов, почему одни

идеи распространялись быстрее, чем другие, как и почему некоторые становились «вечными», в то время как другие были обречены на скорое забвение, почему одни тексты становились каноническими, а другие маргинализировались, как устанавливались и менялись взаимосвязи между издавна существующими и вновь возникающими идеями, концепциями, теориями, учениями, культурными традициями, системами знания, ценностей, смыслов. Этот постоянно расширяющийся круг вопросов стягивает в неразрывный узел «внешние» и «внутренние» аспекты интеллектуальной истории.

Историография.

Основу методологических разработок для изучения человека в контексте исторических событий ещё в первой половине XX в. предложили исследователи первой волны «школы анналов», в частности, Марк Блок, монография которого «Апология истории, или ремесло историка»⁷ позволила по-новому взглянуть на место человека в мире и обратить более пристальное внимание на его жизнь в рамках цивилизации.

По-настоящему же история ментальностей обращает на себя внимание уже во второй половине XX в. Так работой, которая дала импульс к подобным исследованиям не только в отечественном научном пространстве, но и которая нашла отклик в мировом научном сообществе, стала монография Арона Гуревича «Категории средневековой культуры»⁸, вышедшая в 1972 г., и не раз после этого переизданная. В книге воссоздаются определенные аспекты картины мира людей западноевропейского средневековья: восприятие ими времени и пространства, их отношение к природе, понимание права, богатства, бедности, собственности и труда. Анализ этих категорий подводит к постановке проблемы человеческой личности эпохи феодализма. Под таким углом зрения исследуется разнообразный материал памятников средневековья, в том числе произведения искусства и литературы. Арон

⁷ Блок, М. Апология истории, или ремесло историка. – М., 1973. – 234 с.

⁸ Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – 350 с.

Гуревич являлся автором ещё многих научных работ⁹, в которых ставилась цель ближе узнать то «безмолвствующее большинство», история которого не дошла до нас в известных исторических памятниках. В 1987 г. одной из первых отечественных методологических монографий в разрезе историко-культурного знания стала книга доктора исторических наук Михаила Барга «Эпохи и идеи: становление историзма»¹⁰. Монография была посвящена проблеме зарождения и развития исторической мысли, ее места в интеллектуальной истории стран Западной Европы начиная с античного времени и кончая эпохой Просвещения. Особое место в научном исследовании человека в микроисторическом контексте, его привычек, повадок и символического мышления занимают исследования французского учёного Жака ле Гоффа. Такие его труды как «Цивилизация средневекового Запада»¹¹, «Другое средневековье»¹², «Интеллектуалы в средние века»¹³ и др. позволили исследователям вооружиться новым инструментарием для исследования человека в мире его идей. Французский исследователь Алэн де Либера в монографии «Средневековое мышление», уже принимая во внимание феномен существования средневекового интеллектуала, предложенный Жаком ле Гоффом, и отчасти полемизируя с ним, предлагает читателю другой подход к его изучению¹⁴. Он пишет о необходимости описания и анализа рождения интеллектуального идеала как такового, о попытке сформулировать его, и предъявляемые ему требования, а также важной составляющей его изучения, становится рассмотрение философии, её истории, а также необходимости проследить динамику её развития. Де Либера также указывает на

⁹ Гуревич, А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. – М., 2005. — 424 с.; Он же. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. – М., 1989. – 366 с.

¹⁰ Бург, М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М., 1987. – 348 с.

¹¹ Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Под общ. ред. В.А. Бабинцева; Послесл. А.Я. Гуревича. – Екатеринбург, 2005. – 560 с.

¹² Le Goff, J. Pour un autre moyen age: Temps, travail et culture et Occident. – P., 1977. – 198 p.

¹³ Ле Гофф, Ж. Интеллектуалы в Средние века / Перевод с французского А.М. Руткевича. 2-е изд. – СПб., 2003. – 160 с.

¹⁴ Де Либера Алэн. Средневековое мышление/ Пер. с франц. О.В. Головой, А.М. Руткевича. – М., 2004. – 368 с.

необходимость, при изучении человека в своей деятельности использующего интеллект, попытаться выделить притязание на интеллектуальность как таковую. Разработке, изучению и описанию средневекового интеллектуала и интеллектуальной жизни посвящены работы таких авторов, как Александр Шишков¹⁵, Павел Уваров¹⁶. Изучению интеллектуальных традиций античности, Средних веков и нового времени посвящены такие работы как «Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем»¹⁷ и «Интеллектуальные традиции античности и средних веков»¹⁸. Широкое распространение получают работы обобщающего характера, такие как «Антология средневековой мысли»¹⁹, она представляет собой первое, наиболее полное издание богословского и философского наследия западного Средневековья, предпринятое в России, и включает в себя переводы текстов средневековых философов и богословов; «Философия в средние века»²⁰, где даётся общий взгляд на средневековую философию; «История философии в средние века»²¹; «История культуры Европы»²².

Принимая во внимания тот факт, что, по большей части, образованными людьми в средние века были монахи и вообще лица духовного сословия, стоит

¹⁵ Шишков, А.М. Средневековая интеллектуальная культура: Учебная пособие. – М., 2003. – 592 с.; Шишков А.М. На плечах гигантов. Очерки интеллектуальной культуры западноевропейского Средневековья (V – XIV вв.). М.; СПб, 2016. – 704 с.

¹⁶ Уваров, П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе (спецкурс). – М., ИВИ РАН, 2000. – 98 с.; Уваров, П.Ю. Интеллектуалы и интеллектуальный труд в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. – М., 1999. – С. 221-264.

¹⁷ Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 1 / Отв. ред. М.С. Петрова. – М., 2014. – 288 с.

¹⁸ Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы)/ Составление и общая редакция М.С. Петровой. – М., 2010. – 736 с.

¹⁹ Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. Т.1/ Под ред. С.С. Неретиной; сост. С.С. Неретиной, Л.В. Бурлака. – Спб., 2001. – 539 с.

²⁰ Жильсон, Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века: Пер. с фр. / Общ. ред., послесл. и примеч. С.С. Неретиной. – 2-е изд. – М., 2010. – 678 с.

²¹ Коплстон, Ф. История философии. Средние века / Пер. с англ. Ю.А. Алакина. – М., 2003. – 494 с.

²² Сорочан, С.Б. История культуры Европы. Средние века: Курс лекций / С.Б. Сорочан. – Х., 2017. – 396 с.

обратить внимание на такие исследования монашеской жизни как «Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья»²³; «Неведомое море, дьявольский коршун и небесные острия: природа глазами учёного монаха Северной Франции X в.»²⁴; «Монашество в Средние века»²⁵.

Однако окружение средневекового человека, даже монаха, было очень разнообразным, его интересы, занятия, представления о мире, о Боге, о себе отражают такие исследования как: «Антология педагогической мысли христианского Средневековья»²⁶, где содержатся выдержки из разных средневековых текстов Западной Европы; «Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке»²⁷; «Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века»²⁸; «Образ мира. Географические представления в средневековой Европе»²⁹; «Социальная идентичность средневекового человека»³⁰.

С конца 80-х гг. XX в. в нашей стране стал регулярно выходить альманах «Одиссей», его создателями выступили такие крупные фигуры в отечественной исторической науке, как Арон Гуревич, Юрий Бессмертный и другие. Основное направление альманаха – история; публикуются также статьи по другим гуманитарным дисциплинам: филологии, искусствоведению, семиотике, социологии, этнологии, которые помогают осмыслить

²³ Усков, Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли II/III – середины XI в.: – СПб., 2001. – 506 с.

²⁴ Тарасова, А.В. Неведомое море, дьявольский коршун и небесные острия: природа глазами учёного монаха Северной Франции X в./ А.В. Тарасова. – М.; Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 232 с.

²⁵ Карсавин, Л. Монашество в Средние века / Лева Карсавин. – М., 2012. – 2012. – 192 с.

²⁶ Антология педагогической мысли христианского Средневековья: Пособие для учащихся пед. колледжей и вузов: в двух томах. Сост. ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. – М., 1994. – 400 с.

²⁷ Гайденко, П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М., 2006. – 464 с.

²⁸ Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / Общ. ред. П.П. Гайденко, В.В.Петров. – М., 2005. – 880 с.

²⁹ Мельникова, Е.А. Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. – М., 1998. – 255 с.

³⁰ Социальная идентичность средневекового человека / отв. Ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров; Ин-т всеобщ. Истории РАН. – М., 2007. – 327 с.

многомерность исторической действительности и запечатлевших ее источников. Особое внимание в издании уделяется саморефлексии гуманитарного знания: методологическим проблемам истории и смежных с нею дисциплин, а также истории гуманитарных наук, прежде всего отечественных. В 1997 г. вышедший из редколлегии «Одиссея» Юрий Бессмертный совместно с Михаилом Бойцовым организует альманах «Казус», появление которого становится симптомом внутренней дифференциации постсоветской медиевистики. Ориентируясь на актуальные научные течения и западную историографию, сохраняя тематический принцип построения и установку на публикацию дискуссионных материалов, новый альманах предлагал другую историографическую программу — альтернативную уже не только по отношению к традиционной периодике, но и к программе «Одиссея». Альманах стремится освещать непримечательные, на первый взгляд события, с точки зрения антропологического подхода. К началу XXI в. на волне успеха методологических разработок в свет выходит издание «Диалог со временем», совмещающий на своих страницах как последние методологические разработки в контексте «новой культурной» и «новой интеллектуальной» истории, так и узконаправленные исследования в контексте интеллектуальной истории и микроистории. Известным обобщением стал том «Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории»³¹ под редакцией Лорины Репиной. В книге на материале различных культурных ареалов (Западной Европы, Руси / России, цивилизаций Востока) и эпох (Античности, Средневековья, Нового времени) исследуются образы времени и пространства, коллективные представления о прошлом и будущем, которые формируют среду восприятия происходящего, и выполняют функцию ориентации индивидуального и группового поведения;

Однако, стоит оговориться, что в основном обобщающие издания, за редким исключением, обходят стороной интеллектуальную жизнь Священной

³¹ Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / под редакцией Л.П. Репиной. – М., 2008.

Римской империи в X – XI вв. Издания, позиционирующие себя, как полное отражение культурного, интеллектуального или философского жанра в Западной Европе, описывая X – XI века, как правило, сообщает информацию об Ансельме Кентерберийском, далее сразу же обращаясь к Фоме Аквинскому. Порой даются сведения о французских мыслителях и писателях, но не более. В предшествующее время упоминаются «вечные» Августин, Боэций, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный и Иоанн Скот Эриугена.

Стоит отметить, что культурная, философская, интеллектуальная мысль X – XI вв. описывается скудно в целом. Возможно, виной тому, смещение акцентов на «прошлое» «Каролингское возрождение» и «будущий» всеобщий подъём всех сфер жизни средневекового человека в XII в.

История культурной и интеллектуальной мысли в Священной Римской империи X–XI вв. очень слабо освещена в различных обобщающих сборниках и исследованиях. По большей части информация располагается фрагментарно и кочует из одной книги в другую. В сборниках статей или в монографиях нужный материал встречается неамного чаще. Монументального исследования на русском языке встречать не приходилось.

Источники.

Источниками в данном исследовании послужат письменные сочинения авторов X – XI вв. Прежде всего это исторические описания. Исторические произведения латинских авторов позволяют не только оценить их работу с материалом, но и также определить их моральные ориентиры, их политические предпочтения, позволяют судить о эрудиции автора. Одни из самых важных исторических произведений X – XI в. опубликованы в сборнике «Немецкие анналы и хроники X – XI столетий»³², где представлены произведения как в жанре анналов, так и труды хронистов. Несмотря на то, что достоверно определить авторов, представленных анналов мы не можем, нам под силу оценить их интеллектуальный багаж и мировоззренческие

³² Немецкие анналы и хроники X—XI столетий / Перев. И. В. Дьяконова и В. В. Рыбакова. — М., 2012. — 560 с.

ориентиры, что на данном этапе может помочь созданию интеллектуальной картины латинских авторов в целом. Произведения хронистов Адама Бременского³³ и Бруно³⁴ являются не только важными историческими источниками, но также представляют взгляд человека, жившего в конце XI в. в Германии на внутривосточную обстановку и внешнюю политику. Также благодаря особенностям своего повествования оба автора представляют особый интерес для исследования в контексте интеллектуальной истории.

Интересен также сборник «Немецкие латиноязычные источники IX – XI вв.»³⁵. В нем опубликованы ранее не переведённые фрагменты немецких текстов, также к ним дан подробный комментарий.

Фрагментарно источники X – XI вв. опубликованы также в сборнике «Памятники средневековой латинской литературы X – XI вв.»³⁶, где материал для удобства разбит по географическому принципу, а также снабжен комментариями.

В последние годы были опубликованы несколько важных источников по истории Священной Римской империи X – XI вв. Это – такие сочинения, как «Анналы» Ламберта Херсфельдского³⁷ или труды Лиутпранда Кремонского³⁸.

Все эти сочинения интересны, в первую очередь, сообщаемой биографической информацией, как свидетельства индивидуальных взглядов, привычек и обычаев, умозаключений, представлений об окружающем мире. В целом, нам интересно всё то, что за текстом позволяет увидеть живого человека со своими радостями и страхами.

³³ Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Немецкие анналы и хроники X – XI столетий / Перев. И. В. Дьяконова и В. В. Рыбакова. – М., 2012. С. 297-449.

³⁴ Бруно. О саксонской войне // Немецкие анналы и хроники X – XI столетий / Перев. И. В. Дьяконова и В. В. Рыбакова. – М., 2012. С. 450-559.

³⁵ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. – М., 1993. – 240 с.

³⁶ Памятники средневековой латинской литературы. X – XI века / отв. ред. М.С. Касьян; Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького РАН. – М., 2011. – 895 с.

³⁷ Ламберт Херсфельдский. Анналы // Средневековые литературные памятники и источники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова. – М., 2013. – 287 с.

³⁸ Лиутпранд Кремонский // Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Перевод с лат. и комментарии И. В. Дьяконова. — М., 2006. — 225 с.

Данные документы позволят оценить вклад образованных людей в развитие системы знаний, их верификации и трансляции в интеллектуальной среде.

Цель.

Целью данной работы является выявление доминирующих форм интеллектуальной жизни в Священной Римской империи X–XI вв., которые предопределили интеллектуальную революцию последующего столетия.

Для осуществления намеченной цели предполагается решение следующих задач:

во-первых, определить интеллектуальный горизонт образованного человека Священной Римской империи X – XI вв.;

во-вторых, проанализировать формы интеллектуального взаимодействия в империи в X–XI в., оказавшие влияние на становление особой интеллектуальной среды.

Методология

Методологическую основу данного исследования составили методы новой интеллектуальной истории, которые позволяют сконцентрировать усилия на изучении того, как продуцировались новые идеи, как они в ходе дискуссии и полемики апробировались, утверждались или отвергались. Органичным их дополнением стал историко-антропологический метод, который дает возможность акцентировать внимание на поведенческих стереотипах людей, принципах их интеллектуального взаимодействия.

Объект

Интеллектуальная составляющая истории культуры Священной Римской империи X–XI вв.

Предмет

Формы интеллектуальной жизни Священной Римской империи X – XI вв.

Сегодня в исторической науке нет чёткого определения, кого можно считать интеллектуалом средневекового времени, также отсутствует конкретная оценка их роли в обществе. Не приходится и говорить о каких-либо сословных признаках. В сущности, средневековый интеллектуал в понятийном диапазоне фигура довольно размытая, так как даже затруднена для понимания и размыта специфика его деятельности. Наиболее популярной считается точка зрения о зарождении интеллектуалов и интеллектуальных традиций с появлением университетов(ХII-ХIIIвв.) в западной Европе, её высказывает в частности Жак Ле Гофф.

Однако в одной из своих статей³⁹, рассуждая о формировании новой «совокупности ценностных ориентаций западного общества» в русле ментальных исторических процессов, в числе которых и изменение интеллектуальной традиции и воззрений. Он пишет, что решающий поворот произошел, под воздействием осознания значительной частью мужчин и женщин того времени громадного подъема, который когда-либо знало христианское общество Западной Европы после 1000 г. и который в целом продлился до середины ХIII в. (хотя и не был вполне одновременным в разных регионах). Этот подъем (с большей или меньшей интенсивностью и с хронологическим смещением в зависимости от места и социальных условий) затрагивал самые разные сферы: технологическую, экономическую, художественную, религиозную, социальную, интеллектуальную, политическую. И на все эти сферы накладывала свой отпечаток система ценностных ориентации. Все эти сферы, вместе взятые составляли некую историческую структуру, которую, однако, следует анализировать вне всякого мертвящего противопоставления базиса и надстройки. В условиях всеобщего взаимодействия этих сфер та или иная из них становилась в ходе общей перестройки ведущей. Это был то рост городов, то аграрная революция, то демографический рост, то появление схоластики и нищенствующих орденов,

³⁹ Ле Гофф, Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе ХII—ХIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. – М., 1991. – С. 25-44.

то складывание сильного государства, то трансформации крестьянства, то появление новых общественных слоев в городе; в любом случае каждое из этих явлений находилось во взаимодействии со всеми другими.

В X – XI веках вряд ли нам приходится говорить об интеллектуале в том понимании, в каком его представлял, например, Жак ле Гофф⁴⁰. Предпосылки к появлению университетов ещё были довольно слабыми, и университетская корпорация была только впереди. В описываемый нами период школы только зарождались, у отдельных индивидов ещё не было осознания как группы или причастности к группе, да этого осознания и не могло быть, так как ещё не сложились очевидные предпосылки к этому, не сложилась система объединяющей идеи.

Очевидно, что идеи, появившиеся и выросшие ко времени X – XI века являлись производным наследством ещё античной интеллектуальной традиции, однако, предпосылки для их зарождения можно рассмотреть и в описываемом нами времени, когда уклад жизни человека той эпохи менялся не в пример быстрее, чем 6-7 веков назад. Рост городов (и Ж. ле Гофф и А. де Либера считали урбанистическое движение решающим поворотом в появлении средневекового интеллектуала), складывание школ, повышение спроса на людей, знающих своё дело, повышение потребности в развитии науки не могли не повлиять на модернизацию идей, доходивших ещё из античности.

Мыслительные процессы, общая картина мира людей X–XI веков были связаны с мотивами и принципами целеполагания, характерными для того времени, и они могут быть поняты только в контексте своего времени, как своеобразная система. И интеллектуальная деятельность, рассматриваемая нами должна мыслиться в категориях того времени. Подлинностью начинало обладать то, что постольку поскольку подводилось под определённую соответствующую заданной системе модель; выходило за рамки

⁴⁰ Ле Гофф, Ж. Интеллектуалы в Средние века. – С. 6.

индивидуального, неповторённого, растворённого в типическом. Стоит понимать, что некоторые элементы сознания и деятельности людей средневекового человека скорее были образованы на уровне мировосприятия, но могли не оказывать прямого влияния, это существовало на уровне неосознанного в виде своеобразной системы мышления.

Исследование форм интеллектуальной жизни, и их описания в трудах латинских авторов-мыслителей, являвших собой до появления университетской корпорации довольно малый и разобщённый круг интеллектуально развитых лиц, выводит нас на уровень понимания особенностей взаимодействия между обществом и его образованной элитой, взаимодействия, результатом которого стало появление университетов в Европе, на территориях, находившихся в непосредственной близости к землям империи. Изучение деятельности людей, которых в XII веке назовут интеллектуалами, развития интеллектуального творчества в Западной Европе вообще, и в Священной Римской империи, в частности, в конкретно-историческом контексте открывает возможность осмысления миссии образованной элиты в обществе.